

Рыбий хвост, фотокарточка и гадкий обман

Старые лестницы в старых домах между собой похожи, и в то же время в каждой из них есть что-то свое, уникальное. Вот и лестница в доме № 17 на улице Трум как две капли походила на прочие лестницы в других домах, но в ней все же ощущалось что-то исключительно странное и необычное.

Если приглядеться, на некоторых ступенях можно было различить полустертые следы башмаков — черные, как будто выжженные (миссис Поуп никак не могла их оттереть), еще на каждом пролете на стене висели сломанные часы с погнутыми стрелками — зачем они тут и кто их сломал, Финч не знал, но дедушка говорил, что это случилось в тот момент, когда старый домовладелец покинул дом. А еще здесь висел запах — очень странный сладковатый запах, но что его издает, мальчик так и не выяснил, хоть не один раз, вооружившись собственным носом и твердой уверенностью раскрыть тайну непонятного запаха, исследовал всю лестницу вдоль и поперек.

Сейчас, впрочем, Финча не заботили ни выжженные следы, ни часы с погнутыми стрелками, ни даже запах. Он прятался. Прятался на лестнице. И то, что свет здесь не горел, было ему на руку.

Финч замер и, набрав в легкие побольше воздуха, осторожно выглянул на первый этаж.

Негромко мурлыкало радио: заунывная мелодия порой прерывалась трескучими помехами. В полукруглом окошке, как и всегда, поблескивала лысина консержки. Злые колючие глазки миссис Поуп тонули в фиолетовых тенях, тонкие губы также были обильно нафиолечены, да и в пудре эта женщина явно не знала меры: издалека ее можно было принять за весьма экстравагантный труп. Выражение сморщенного лица миссис Поуп заставляло думать, что она унюхала нечто мерзкое, хотя на самом деле консержка просто сосредоточилась.

Миссис Поуп была занята излюбленным делом: подравнивала длинные ногти пилочкой. Порой она отвлекалась на то, чтобы стукнуть по радиофору, когда мелодия превращалась в шипение, и на то, чтобы одарить развалившуюся на стойке Мо каким-нибудь глубокомысленным замечанием. Кошка отвечала ей своим коронным презрением, попросту игнорируя как хозяйку, так и весь окружающий мир.

Возле лифта стоял пустой стул, на котором лежала газета, грустная и одинокая без своего извечного спутника мистера Поупа. Лифтер был сейчас очень занят...

Финч покивал — все прошло по плану, все как он задумал и подстроил.

А ведь еще полчаса назад он и представить не мог, что решится на подобное...

...Полчаса назад Финч, обхватив себя за плечи, бродил по темной и пустой квартире, не в силах найти себе места. Мальчик пытался думать, но думалось с трудом — как будто он вручную заводил огромные шестерни в башенных часах. Очень ржавые шестерни.

Все его мысли были о таинственном исчезновении дедушки.

Тревога, которая мучила Финча с самого возвращения из школы, лишь усилилась. Он понимал, что такой человек, как его дедушка, который всегда дотошно следует распорядку

дня, не мог просто выйти прогуляться и забыть о времени. Нет. Что-то случилось. Что-то плохое... Иначе дедушка сейчас был бы здесь — кряхтя, накладывал бы ему на тарелку кашу с грибными фрикадельками и, как обычно, интересовался бы успехами Финча, а Финч рассказывал бы ему об этой мерзкой Арабелле Джей, о строгой миссис Оул или о подозрительном мистере Кэттли из трамвая. Хотя о последнем, наверное, все же не стоило упоминать: дедушка вряд ли был бы рад узнать, что Финч заговорил с незнакомцем, еще и со столь откровенно злодейским.

«Дедушка просто куда-то вышел, — навязчиво лезло в голову. — У него появились дела. Ничего в этом нет странного. Может, он просто пошел в лавку? Точно, всего лишь пошел в лавку! Вдруг у нас закончились грибы для фрикаделек? Или хлеб? Или чай?»

Конечно же, ни в какую лавку дедушка не пошел. Финч в этом был уверен, как бы ни пытался убедить себя в обратном. За газетой дедушка также отправиться не мог, ведь сегодняшняя газета лежала тут же — на столике у радиофора. Корнелиус Фергин, в принципе, был домоседом и разве что порой ходил на бульвар Разбитое Сердце кормить птиц. Но делал он это редко, да и то по утрам.

«Ну почему я такой отсталый?!» — злясь на себя, думал Финч. Он все ломал голову, но другие варианты, где же дедушка, никак не придумывались. Может, по причине отсутствующей фантазии, а может, из-за того, что было не так уж и много мест, куда дедушка мог пойти, и...

Финч замер посреди гостиной и принялся обзывать себя самыми дрянными словами, которые знал. Ну конечно! Конечно же, дедушка был в доме! Более того, в единственном месте в этом доме, где, помимо их собственной квартиры, он мог провести не один час.

Финч бросился в прихожую, натянул башмаки и выскочил за дверь. Мчась вверх по лестнице, он пытался сдержать охватившую его радость. Он почти-почти нашел дедушку!

Разумеется, тот был у своего лучшего друга, мистера Франки, который жил этажом выше. Дедушка часто к нему заходил, они играли в карты, а если точнее, в трольридж, обсуждали газетные статьи, с теплом вспоминали былые времена и осуждали нынешние.

Мистер Франки был затворником и никуда из квартиры не выходил. Продукты ему доставляли из лавки, почту и газеты приносил мистер Дьюи, почтальон. Финчу дедушкин друг казался окончательно и бесповоротно сбрендившим, но дедушка очень ценил Конрада Франки и постоянно рассказывал внуку о его причудах. А рассказать было о чем: старый затворник страдал вялотекущей манией преследования и ко всем относился с подозрением. Он то и дело устраивал окружающим допросы, требовал пароли, а порой и вовсе дергал посетителей за бороды и усы в попытках удостовериться, что те не накладные. Как-то дедушка сказал, что мистер Франки ущипнул его за щеку — старому чудаку пришло в голову, что под видом друга к нему явился некто, напаявший его кожу, как костюм.

Надеясь, что на этот раз обойдется без щипков, Финч подошел к зеленой двери под овальной бронзовой табличкой «16» и потянул за цепочку звонка. Колокольчики в квартире зазвенели, и почти сразу раздались шаркающие шаги.

— Кто там? — спросили раздраженным голосом из-за двери.

— Мистер Франки! — позвал мальчик. — Откройте, это я, Финч!

— Какой еще Финч? — недружелюбно прохрипели с той стороны. — Не знаю никаких Финчей.

— Как это? — удивился Финч. — Я же внук мистера Фергина, вашего друга! — И тут мальчик вспомнил, что ему был выдан личный пароль: — Рыбий хвост.

Один за другим шелкнули несколько замков, и дверь приоткрылась. В образовавшейся щели показались недобрый глаз под косматой бровью и клочок встопорщенной седой бороды.

Также мальчик различил воротник вишневого шлафрока с красными пуговицами.

— А, это ты, Финч, — проворчал мистер Франки. — Что сразу не сказал?

— Простите, сэр, — не стал спорить со стариком Финч. — А дедушка у вас?

— Что?

— Ну, мой дедушка, мистер Фергин. Он сейчас у вас?

— Нет тут твоего деда. Вчера играли. Он продулся знатно. А сегодня не заходил еще — видать, обиду затаил или придумывает, как бы отыграться...

Финч потрясенно застыл. Он так надеялся, что дедушка здесь — более того, он сам себя в этом уже настолько убедил, что сейчас просто отказывался верить.

— Но я... я думал...

— Передай от меня деду, что если он не хочет в следующий раз снова продуть, то пусть придумает что-то получше, чем собирать «мотыльков». Трольридж — это не бридж, и тут, если будешь зевать, все карты с «мотыльками» вылетят. Передай?

Финч неуверенно кивнул.

— Вот и славно, — добавил старик. — Рыбий хвост... хм...

Сказав это, мистер Франки наделил мальчика подозрительным взглядом и закрыл дверь.

Финч развернулся и понуро поплелся обратно.

Переступив порог своей темной и холодной квартиры, он даже поежился от того, как там было угрюмо и неудобно. Требовалось исправить это как можно скорее.

Финч на ощупь забрался в чулан. Нашарив в темноте вентили на теплофорных и газовых трубах, он открутил их. После этого повернул колесико под плафоном лампы в прихожей. Чиркнула искра, и свет загорелся. Меньше чем через минуту загорелась лампа и в гостиной.

В квартире постепенно становилось теплее, но только не на душе у Финча. Он вернулся к тому, с чего начал.

В доме бабушки нет — помимо мистера Франки, тот ни с кем из соседей не общался. А это значило, что бабушка и правда куда-то пошел, видимо, переодевшись во что-то из гардероба. Варианта было всего два: он либо спустился и покинул дом № 17, как и обычно, через дверь, либо... что ж, прежде чем рассматривать другой, абсурдный вариант со следом на карнизе, стоило проверить первый.

«Нужно убедиться», — подумал Финч и поймал себя на мерзком ощущении — он как будто взял в рот ком пыли.

Убедиться можно было только одним, крайне неприятным способом: спросить у человека, который знает в доме № 17 все и обо всех и неусыпно следит за каждым шагом жильцов. Если бабушка выходил из дома, она должна знать...

...Прежде чем спуститься на первый этаж, Финч кое-что взял из кухни, а затем вернулся на шестой. Но уже не к мистери Франки. Подойдя к лифту и приставив ухо к холодной решетке, он прислушался. Кабинка, как он и полагал, стояла внизу.

Для его плана было бы логичнее подняться на последний, седьмой этаж, но Финч не решился — детям появляться там запрещалось. Под крышей располагались квартиры самых важных жильцов дома, а те считали, что присутствие детей на их этаже недопустимо. Однажды Финч из любопытства все-таки поднялся туда. Признаться, его ждало разочарование — ничего хоть сколько-нибудь интересного он на седьмом этаже не обнаружил: решетка лифта, черная низкая дверца, ведущая на чердак, и двери трех квартир.

В одной из тех квартир, к слову, жила мадам Клара, самая строгая и грозная женщина из всех, которых знал Финч. Она была няней — смотрела за чужими младенцами и при этом состояла в каком-то дальнем родстве с домовладельцем господином Борганом. Мадам пользовалась уважением всех жильцов, даже консьержка лебезила перед ней, как будто та — верховный судья. Финч боялся мадам Клару,

а еще она казалась ему... в общем, она была очень-очень красивой.

Подумав о мадам Кларе, Финч проглотил вставший в горле ком: сейчас встретиться с ней ему хотелось меньше всего...

Финч дернул рычажок. Внизу, рядом со стулом мистера Поупа, должен был зазвенеть колокольчик, вызывая лифт на шестой этаж. Как мальчик ни вслушивался, колокольчика он не услышал, зато прекрасно разобрал кряхтение мистера Поупа, пронесшееся через весь дом и прекрасно демонстрирующее, как лифтера утомили этим звонком.

Финч бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. На первом этаже он оказался примерно в то же время, как мистер Поуп неторопливо зашел в лифт: закрыв за собой решетку и дверцу, тот крутанул рычаг управления противовесами. Кабинка с лязганьем поползла вверх. В подъезде на первом этаже остались лишь консьержка и ее кошка.

Финч избавился от лифтера не просто так. Его дело требовало осторожного подхода, и лишние свидетели могли ему сейчас только помешать.

Стоило лифту отползти на второй этаж, мальчик выбрался из укрытия и, нацепив на себя невинный вид, подошел к окошку консьержки. Миссис Поуп выстрелила в него хмурым взглядом, после чего вновь вернулась к пилочке, ногтям, самолюбованию и презрению к окружающим.

— Миссис Поуп, я тут принес кое-что для Мо, — начал мальчик.

И консьержка, и кошка одинаково недоверчиво прищурились.

Финчу вдруг показалось, что его затею раскусили. Он уже был вполоборота от того, чтобы ринуться прочь, как вдруг неожиданно Финчу почему-то представился жулик мистер Кэттли, ободряюще ему подмигивающий.

— Вот. — Мальчик достал из кармана сверток и развернул коричневую бумагу. — Хвостик ушастой рыбы. Мо ведь их так любит. Мо, ты хочешь хвостик ушастой рыбы?

Кошка лениво поглядела на хвостик, вытянула лапу и уставилась выжидающе: мол, клади давай, или я еще должна вставать и тянуться за ним?

Финч послушался и опустил в лапу рыбий хвост. Тот был обнюхан, пристально изучен, после чего отправился в пасть. Раздался звук, напоминающий перезвон шестеренок, — фирменное ленивое мурчание. Мо затянуло весь первый этаж.

Собравшись с духом, Финч перевел взгляд на консержку и спросил:

— Миссис Поуп, а вы, случайно, не видели моего дедушку?

— Я не слежу за чужими дедушками, — последовал мгновенный ответ.

Это была ложь. Консержка именно что следила — причем не только за дедушками, но и за всеми. Она дотошно вела учет, кто и когда приходит или уходит, занося каждый шаг жильцов в свою книгу. А еще время от времени напоминала всем (хотя об этом и так никто не забывал), что господин Борган, прежде чем отбыть в путешествие около десяти лет назад, оставил ключи именно ей, Присцилле Поуп, и попросил заботиться о доме не кого-нибудь, а «самую благонадежную консержку во всем городе», что фактически сделало ее тут главной...

— Я вернулся из школы, а его нет, — пояснил между тем Финч. — Вот я и хотел...

— И почему все кругом считают, будто я — это какое-то справочное бюро? — пробурчала себе под нос миссис Поуп.

— Вот я и хотел спросить, не выходил ли он куда-то? Вы ведь все видите...

— Мистер Фергин никуда не выходил с утра, — задумчиво проговорила миссис Поуп, и в ней вдруг будто что-то перемкнуло: она едва заметно качнулась вперед и уставилась на Финча во все глаза. — Ты говоришь, что его нет дома? Он куда-то пропал?

Нечто в ее взгляде Финчу очень не понравилось. Не сразу он понял, что это была алчность. Консержка и ее муж только и ждали, как бы кто-то из жильцов скончался, чтобы потом

можно было наложить лапы на опустевшую квартиру и сдать ее кому-то, кто хорошо заплатит. Однажды Финч краем уха услышал обрывок разговора бабушки и мистера Франки. Бабушкин друг жаловался, что «эта лысая дрянь» пыталась его отравить — прислала ему ядовитую рыбу вместо той, что он заказывал в лавке, чтобы, вне всяких сомнений, избавиться от него и поселить в его квартире «каких-то хмырей из Кра-екк или еще откуда».

Финч так и представил, как эта отвратительная женщина расхаживает по их с бабушкой уютной квартирке, заглядывает в каждый угол и измеряет стены и дверные проемы.

— Мистер Фергин куда-то пропал? — повторила консьержка.

— Э-э-э... нет, я не это имел в виду...

— Исчез? — Она почесала кривыми острыми ногтями лысую макушку: «Хр, хр, хр».

— Не совсем, я думаю...

— Мне вызвать мистера Додджа? — спросила консьержка скорее себя, чем мальчика, размышляя вслух и будто бы взвешивая шансы, действительно ли старик с пятого этажа пропал и не отыщутся ли у него вдруг какие-нибудь наследники. Разумеется, Финча в расчет она не брала.

— Нет! — взмолился мальчик. — Не нужно!

Финч уже пожалел, что вообще решил сунуться к этой злобной женщине. Кто мог знать, что она так оживится. Еще и констебля грозит позвать! А хуже мистера Додджа, который просто ненавидит детей, и придумать ничего нельзя.

Но, как оказалось, вполне можно.

— Если твой единственный опекун исчез, — заметила миссис Поуп, — я должна вызвать клерков из приюта «Грау-энс». Такой порядок...

«Только не это! — с ужасом подумал Финч. — Только не приют!»

В горле пересохло, а руки задрожали. Будь здесь мистер Кэттли, он бы осуждающе покачал головой.

— Нет, что вы! — отчаянно заверил Финч. — Он куда не исчез!

— Но ты сам сказал... — протянула консьержка.

— Его просто нет в квартире, — поспешно пояснил Финч. — Вот я и подумал, что он выходил, а вы могли его видеть.

— Я не видела. Ты уверен, что не нужно вызвать клерков из приюта?

— Уверен!

— Знаешь, я все-таки сообщу констеблю, а он свяжется с приютом.

— Зачем?! — воскликнул Финч. — Мой дедушка куда не исчезал!

— Гм.

Финч понял, что, если сейчас скажет что-то не то или как-то не так отреагирует, печальный исход неминуем: его отправят в приют, он не сможет найти дедушку, а мерзкая лысая миссис Поуп завладеет их квартирой. Этого никак нельзя было допустить.

Он заставил себя успокоиться. Спорить с миссис Поуп было бессмысленно, ведь ей никто не указ, она здесь главная и к тому же считает, что дети, эти маленькие вредители и грязнули, — просто досадное недоразумение, которое можно лишь какое-то время терпеть. Ее никто не мог ни в чем переубедить, но другое дело, если она переубедит сама себя.

Стараясь унять дрожь в голосе, Финч рассудительно уточнил:

— Вы же сказали, что мой дедушка куда сегодня не выходил с самого утра, правильно, миссис Поуп?

— Разумеется. Я бы заметила, — важно сказала она.

— И через черный ход он тоже выйти не мог? — Мальчик кивнул на дверь в глубине подъезда. — Хотя, возможно, вы могли и не заметить...

— Я бы заметила, — процедила консьержка. — Я все замечаю!

Миссис Поуп уже и сама поняла, к чему клонит Финч. Она действительно не видела, чтобы этот делано вежливый, занудный Фергин сегодня куда-то выходил из дома после того, как вернулся, проводив этого раздражающего мальчишку на трамвай.

— Значит, дедушка все еще где-то здесь, — добавил Финч и нервно хихикнул: — Не выбрался же он через окно... — А затем он сделал вид, словно его осенило: — Ой! И как я сразу не подумал! Наверное, дедушка зашел к мистеру Франки. Точно! Они же часто играют в трольридж.

Консьержка выглядела разочарованной, огорченной и раздраженной. Весьма раздраженной.

— Тогда зачем ты морочишь мне голову? — Она положила пилочку на столик рядом с книгой учета посетителей дома и поднялась на ноги.

— Простите, мэм, — испуганно проговорил Финч. — Я просто не подумал.

— Не подумал он! — Консьержка угрожающе склонилась к окошку и просунула сквозь него голову, будто намереваясь вцепиться в Финча зубами. Мальчик отшатнулся. — Да знаешь, сколько терпения нужно, чтобы...

Уже почти свершившуюся казнь Финча вдруг прервали. Гроыхнула кабинка лифта. Решетка со скрежетом отъехала вбок, дверь открылась, и из-за нее вывалился запыхавшийся мистер Поуп. Финч удивился: это как же возможно в лифте-то запыхаться?

Ответ не заставил себя долго ждать: от страха и нервного возбуждения.

— Цисси! — Мистер Поуп подскочил к окошку. Руки его тряслись. — Я так и знал!

Консьержка недовольно переключила внимание с мальчишки на супруга.

— Что ты знал?

— В нашем доме поселился невидимка! — Лифтер едва ли не подпрыгивал на месте.

— Что?! — Миссис Поуп подняла бровь. — Бартоломью, ты, видимо, просто перебрал сиропа от кашля, вот тебе и мерещится...

— Я говорю тебе, он вызвал лифт! — стоял на своем мистер Поуп. — Это был невидимка!

— Это был никакой не невидимка!

— Это был он!

— Нет, не был!

— Нет, был!

Более удачную возможность для спасения представить было сложно, и Финч поспешил ею воспользоваться. Он начал осторожно пятиться, а когда до лестницы оставалась всего пара шагов, опрометью бросился наверх.

Последним, что он услышал, было:

— И с чего ты взял, что лифт вызвал невидимка?

— Уж я-то с первого взгляда могу распознать невидимку!
Не сомневайся!..

Вернувшись в квартиру, Финч зажег свет в спальне дедушки и выглянул в окно.

У него оставалась последняя зацепка — странный след в снегу на подоконнике. Вернее, он думал, что оставалась. Конечно, Финч понимал, что тайна отпечатка ноги не раскроется, если просто смотреть на него и пытаться протереть взглядом, но при этом искренне надеялся, что что-то упустил. Вдруг он узнает форму башмака, который его оставил, вдруг на подошве есть необычный узор, по которому он распознает этот башмак среди тысяч других башмаков, заполонивших город.

И вот он глядит, а следа-то и след простыл! Подоконник полностью заметен снегом. Отпечаток ноги исчез, словно он просто примерещился, как и прочие странные вещи, которые Финч, как ему казалось, сегодня видел.

«Только болван мог потерять такую важную вещь, как след чьей-то ноги на карнизе пятого этажа! — укорил себя

Финч. — И почему я сразу не догадался рассмотреть его во всех подробностях?! Он же был у меня прямо под носом! Как же так?!»

Мальчик стоял у окна и глядел на черноту за ним. На снег, падающий, как рассыпавшиеся в крошево надежды. Он больше не знал, что делать.

Дедушку Финч так и не нашел. Оставалось надеяться, что тот сам появится. Просто придет, укроет его одеялом и присядет на край кровати. А он проснется и увидит дедушку. И очень обрадуется. А тот заговорщически подмигнет ему и прошепчет: «Ты просто не представляешь, Финч, что случилось!» И все ему расскажет. И это будет действительно удивительная история. Захватывающая, с интригами и приключениями, и даже с толикой жутинки, но он не испугается, ведь все уже позади.

Финч опустил взгляд... ему стало горько и тошно.

«А что, если дедушка никогда не вернется? Может, он, как этот слабый одинокий огонек внизу, забыт где-то, заметаемый снегом, всеми покинутый, никому не нужный и...»

Финч вдруг оборвал свои упаднические мысли. Их место тут же заняла другая: «Огонек в снегу! Внизу... Во дворе...»

В голове мгновенно созрела идея.

Финч побежал на кухню, немного покопался в бронзовом холодильном шкафу, после чего ринулся в прихожую. Надел башмаки, шапку, шарф и пальто. И был таков.

Лестницу Финч преодолел бегом — он так спешил, что в какой-то момент между третьим и вторым этажами в темноте едва не сломал ногу. Но сейчас ни мнимый, ни подлинный перелом не могли его остановить. И правда — остановило его кое-что другое. Пострашнее перелома.

Стоило Финчу спрыгнуть с последней ступеньки, как тут же прозвучал раздраженный голос консьержки:

— И куда это мы так резво направляемся?!

Финч показал ей бумажный сверток, который держал в руках.

— У нас тут осталось от обеда немного, — сказал он. — Несу мистеру Хэмму.

— Мистер Хэмм, — презрительно скривилась миссис Поуп. — Если бы не строгий наказ господина Боргана терпеть этого пьянчугу, я бы давно сдала его в утиль вместе с его развалухой. Мистер Фергин отыскался?

— Да, мэм! — соврал Финч — мистер Кэттли мог бы им гордиться. — Он был у мистера Франки — они играли в трольридж, и дедушка проиграл: он пытался собрать «мотыльков», но ничего не вышло. А еще дедушка показывал мистеру Франки свою новую почтовую марку с дирижаблем. Это просто чудесная марка, мэм! Вы знаете, мой дедушка собирает марки, и он очень ценит...

— Как будто мне есть какое-то дело, — утомленно перебила консьержка. — Не толпитесь! Иди, куда шел!

Уговаривать Финча не пришлось. Скользя мимо лифта и спящего на стуле, укрывшегося газетой мистера Поупа, мальчик повернул ручку двери черного хода и вышел во двор. Оказавшись под открытым небом, он перевел дыхание.

Сердце немного успокоилось, и Финч направился по узкой дорожке, протоптанной в снегу и ведущей к кованой калитке. Но до нее он не дошел и свернул к огромному сугробу, который занимал всю западную часть двора. Из сугроба торчала оконечность бурой от ржавчины и пылящей дымом трубы. Из круглого окошка тек теплый уютный свет, подкрашивая рыжим падающие снежинки.

Финч поглядел в иллюминатор — за ним что-то двигалось. Что-то, вероятно, готовилось ко сну.

Мальчик постучал.

— Никого нет дома! — раздался глухой голос, в котором проскальзывали испуганные нотки.

— Мистер Хэмм! — Финч встал на носочки и придвинул лицо к окошку, пытаясь разглядеть внутри хозяина. — Это Финч, внук мистера Фергина! Я принес вам кое-что!

К иллюминатору приблизилась здоровенная фигура, и к стеклу опустилось нечто бесформенное с огромными круглыми... глазами?

В следующее мгновение посуда вздрогнула, и овальная дверь, натужно заскрежетав, отворилась. На пороге стоял пухлый старик в бордовом твидовом костюме и в больших летных очках на глазах. У него были широкое морщинистое лицо, мясистый нос и красные с проседью бакенбарды. Несло от старого штурмана традиционно крепкой угольной настоеккой.

— Добрый вечер, мистер Хэм! — поздоровался Финч.

— Здравствуй, Финч из двенадцатой квартиры! — обрадованно пророкотал старик. — Заходи, заходи скорее — тепло выходит!

И он отошел в сторону, пропуская мальчика.

Финч забрался в брюхо дирижабля.

Здесь и правда было тепло. А еще темно и невероятно тесно. Вдоль бортов тянулись батареи труб. Узкий проход упирался в рубку управления. Большой обзорный иллюминатор залепил снег, а проклепанный люк в низком потолке весь проржавел; на ведущих к нему скобах, приваренных к борту, висела паутина — по трапу явно никто давно не поднимался. Оболочка сейчас, наверное, пуствовала, и в ней обретались лишь крысы или еще какая нечисть.

В дирижабле был дикий беспорядок. Если бы Финч позволил себе такой в комнате, дедушка лишил бы его сладкого на... да на всю жизнь! Повсюду стояли пустые бутылки, в углу выстроилась пирамида ржавых консервных банок. В хвосте дирижабля расположился лежак, крытый не менее чем дюжиной рваных одеял. Рядом с ним стояла печка-толстобрюшка — чугунная заслонка была открыта, и в топке весело пылал огонь.

Возле печки примостились ящики, заполненные пожелтевшими от времени картами и старыми газетами.

— Можешь там устроиться. — Мистер Хэмм указал Финчу на один из ящиков, на боку которого чернела полустертая трафаретная надпись: «*Военное авровоздушное ведомство*».

Финч сел на ящик и с любопытством уставился на стоявшую рядом причудливую металлическую штуковину вытянутой формы, с острым носиком и четырьмя похожими на закрылки стабилизаторами, образующими хвост. Дедушка показывал Финчу такие штуковины на старых фотокарточках.

— Она рабочая? — спросил мальчик.

— Конечно, — усмехнулся мистер Хэмм и стукнул по бомбе здоровенным кулаком. — Других не держим!

Глядя на вросшего всем телом в ящик мальчика, старик рассмеялся. Взрыв все не наступал, и Финч отмер: разумеется, бомба была нерабочей, как, впрочем, и все остальное в дирижабле.

— Эта лысая дрянь все еще там? — спросил мистер Хэмм и уселся в обтянутое потрескавшейся кожей штурманское кресло.

— Вы о кошке? — уточнил мальчик. — Или о миссис Поуп?

— Ах да, есть же еще эта кошка, — проворчал старик. — Но я имел в виду склочную тетку.

— Куда ж она денется? — веско заметил Финч.

— Все норовит от меня избавиться. — Мистер Хэмм попытался состроить негодующую мину, но из-за нелепых здоровенных очков гримаса получилась скорее забавной. — И от «Дженни» моей. Эта тетка постоянно исходит пеной, как старый кофейник, стоит ей меня увидеть! Но она ничего не может поделать: мне сам капитан Борган позволил здесь обосноваться. Пусть эта мерзкая Поуп подавится своей злобой.

Мистер Хэмм выглядел потерянным и удрученным, и Финч попытался его утешить:

— Я вам принес кое-что. — Мальчик протянул старику сверток. — Тут немного еловой каши и пара заячьих котлет. Но оно все остыло.

Мистер Хэмм оживился:

— Старый солдат неприхотлив, парень! К тому же у старого солдата есть печка!

Он с трудом вытащился из кресла и, на ходу разворачивая пакет, потопал к печке. Достав из-под кровати металлическую миску на проволоке, старик вывернул в нее содержимое пакета, смешав и кашу, и котлеты.

— Хороший человек твой дед, — сказал мистер Хэмм, повесив миску в печку на крючок. — Передал вот мне ужин. Старые солдаты должны держаться вместе. Я никак в толк не возьму, зачем он якшается с этим Конрадом Франки из шестнадцатой квартиры, ведь тот даже не воевал! Отсиживался, небось, в подвале, когда бомбили город.

— Дедушка говорит, что мистер Франки хороший. Он сказал, что тот... э-э-э... воевал по-другому.

— Ха! — на весь дирижабль гаркнул мистер Хэмм. Кажется, слова Финча задели его за живое. — Скажешь тоже! Воевал по-другому! «По-другому» — это как? Дед тебе не рассказывал, как тогда все было? Конечно, рассказывал! А Франки проворачивал какие-то темные делишки во время войны, вот сейчас и прячется в своей квартирке — носа не кажет: боится, что припомнят ему. От своей же тени дрожит...

Мистер Хэмм помешал кашу ложкой, которая сама напоминала ветерана войны.

— Вот мы воевали взаправду, — продолжил старик, отвернувшись от печки и уставившись в пустоту перед собой. — Не верится, что уже полтора десятка лет прошло. Жуткое было время, нда-а... Но тогда все с ходу понимали, кто чего стоит. Вот дед твой — храбрец! Геройски воевал! И капитан Борган... Лучшие люди. Не чета каким-то Франки и прочим. А эта лысая кошатница Поуп все ищет повод меня выдворить, но у нее ничего не выйдет. Как же ее корежило и корчило, когда капитан велел ей оставить в покое старика Хэмма. Вот что такое черная неблагодарность! Ей невдомек, что двух «серебряных воронов» за просто так не дают! Зато

капитан Борган помнит, за что нас с «Дженни» ими наградили.

Финч молча глядел на старика. У того дрожали руки и подергивалась щека — война въелась в его лицо глубокими морщинами и старыми шрамами.

Дедушка редко заговаривал о войне. Для него эта тема была столь же болезненной, как и исчезновение родителей Финча. А мистер Хэмм... Все говорили, что он просто спятивший пьяница, но сейчас перед мальчиком предстал очень одинокий человек, у которого больше ничего не осталось, кроме воспоминаний и старого нелетающего дирижабля. Он выглядел опустошенным и несчастным, многое пережившим и давно разучившимся переживать новое. Время для него словно остановилось.

И это отразилось на его миске. Из нее раздалось шипение, и по дирижаблю пополз мерзкий запах.

— Кажется, каша подгорает, — сказал Финч, и это вырвало старого штурмана из его воспоминаний.

Мистер Хэмм достал миску из печки и принялся за ужин, попутно продолжая бормотать:

— Да, капитан Борган... Лучший из всех людей. Храбрый, честный, умный. Благодаря таким, как он, мы и выиграли войну...

Никто никогда не слушал этого старика. Все просто проходили мимо, старательно делая вид, что ни его дирижабля, ни его самого не существует. Раньше Финч тоже нечасто с ним заговаривал — порой приносил еду, которую передавал дедушка, и сразу же поспешно сбегал, чтобы мистер Хэмм не пристал к нему со скучными рассказами о былых временах. Сейчас ему было стыдно.

Мистер Хэмм подул на кашу в ложке и отправил ее в рот. Проглотив, продолжил:

— Иногда он ко мне заглядывает. Я всегда рад его видеть. Ну еще бы: столько пережили вместе.

— Простите, — удивился Финч. — Кто к вам заглядывает?

— Так капитан Борган же!

Финч сперва решил, что ослышался, но быстро все понял. Он различил едва заметные искорки сумасшествия в глазах за круглыми стеклами летных очков.

— Но, сэр, он ведь отправился в путешествие! — тем не менее возразил мальчик. — Больше десяти лет назад!

— Ха! Скажешь тоже, путешествие! Нет, он все еще тут. Хранит старика. Ты ведь не знаешь его, да?

— Он уехал, когда я был совсем маленьким.

Мистер Хэмм оставил слова Финча без внимания и, оторвавшись от ужина, принялся копошиться в стоящих у кровати коробках.

— Есть тут у меня кое-что... Где же она?.. А, вот! Нашел!

Достав из коробки старую коричневую фотокарточку, он протянул ее Финчу. На фотокарточке был изображен небольшой изящный дирижабль с размашистой надписью «*Дженнигль*» и двумя трафаретными головами воронов на борту. Подумать только, этот красивый аэростат и развалюха, засыпанная снегом, внутри которой Финч сейчас сидел, были одним и тем же судном!

Перед дирижаблем стояли двое. Одним из них был сам мистер Хэмм в неизменных летных очках: штурман выглядел моложе, но трезвее упрямо выглядеть не желал. Он обнимал за плечо высокого молодого человека в черном мундире с двумя рядами блестящих пуговиц и в плаще. Внизу стояла подпись: «*Уирджилл Хэмм и капитан Тристан Моротт Борган*».

Финч прежде никогда не видел хозяина дома № 17. Тристан Борган был довольно красив и напоминал книжного героя: узкое белоснежное лицо, орлиный нос, черные глаза, тонкие губы и длинные смоляные волосы, развевающиеся на невидимом ветру.

— Очень печальный... — прошептал Финч, но мистер Хэмм услышал.

— Печальный, да, — угрюмо сказал старый штурман. — Он никогда не смеялся. Как потерял Камиллу, будто потерял и вкус к жизни.

— Камиллу?

— Его жену, — пояснил старик. — Прелестная была женщина. Из таких, которые во снах снятся. Хорошая. Веселая. Улыбчивая. С огромными бездонными глазами. Просто чудо, хоть и с одной ручкой всего лишь. Капитан ее так любил... Он был человеком, который не мог принимать удары судьбы и не считал нужным с ними мириться... он был таким... настоящим...

— Сэр, вы плачете?

Мистер Хэмм вздрогнул и, подняв очки на лоб, протер глаза рукавом.

— Не обращай внимания! Это воспоминания лезут наружу. Старому солдату такое простительно. Мы воевали за право плакать когда захочется.

— Вы сказали «был», — напомнил Финч. — Капитан ни в каком не путешествии, да?

— Эй! — неожиданно резко и зло воскликнул мистер Хэмм. — Я просто оговорился, парень! Просто оговорился!

Старый механик так же быстро успокоился и продолжил перебирать ложкой кашу — кажется, он искал в миске закопанный клад. А затем вдруг поднял на мальчика настороженный взгляд и прищурился.

— Так ты просто решил навестить старика или зашел по делу какому? Прежде, помнится, ты сюда не забирался.

Финч закусил губу. Отправляясь к мистеру Хэмму, он придумывал, как расспросить его так, чтобы тот ничего не понял, и вдруг поймал себя на мысли, что нужно просто рассказать старому штурману все как есть. Мистер Хэмм не выдаст его, он не пойдет звать констебля и уж точно не станет сообщать в приют.

— Я пришел узнать у вас кое-что, мистер Хэмм, — осторожно начал мальчик. — Только пообещайте, что никому не скажете!

— Зачем это? — с подозрением покосился на него старик.

— Пообещайте! — потребовал Финч. — Иначе все будет очень плохо! Меня заберут в приют и...

Старик нахмурился.

— В приют? Что стряслось, парень?

— Дедушка куда-то пропал, — сказал Финч.

— Как это пропал?

— Я пришел из школы, а его нет. И в доме его нет. Там было окно открыто, в его комнате. И след на подоконнике, как будто кто-то выбрался из окна. Вот я и пришел спросить, вы не видели дедушку сегодня? Он никуда не выходил? Может, вы видели, как кто-то... вылез из нашего окна? Или подлетал к нему?

— Подлетал?

— На какой-нибудь летающей штуковине. Вроде кнопфа.

— Не было здесь никаких кнопфов. И возле окон я никогда не видел.

Финч огорчился. Еще одна зацепка ни к чему не привела. Ему начало казаться, что он ни за что не отыщет дедушку.

«Я точно отсталый! — с горечью подумал Финч. — Совсем отсталый! Правильно все говорят!»

Мистер Хэмм меж тем продолжал:

— И дедушку твоего сегодня я тоже не видел. Нехорошо, что он пропал. Странно это. Он ведь никогда никуда не пропал раньше. Надежный, как полковые часы. Может, это как-то связано с тем... Черным?

— С кем? — Финч подобрался.

— С Черным, — повторил мистер Хэмм. — Ну, с Человеком в черном.

— Какой еще Человек в черном? — со все возрастающей тревогой прошептал Финч.

— Пару дней назад сюда приходил мрачный тип в цилиндре и черном пальто с воротником из перьев, как у вороны. У него еще была трость, какие таскают с собой важные господа. Они с твоим дедом вышли из дома во двор, спорили. Человек в черном что-то требовал от мистера Фергина и, как мне показалось, угрожал. Я думал вмешаться, но не успел: сказав все, что думает, чужак поспешно удалился. В переулке

за калиткой его ждал экипаж — из этих, пятиколесных, двух-этажный.

— Фроббин, — подсказал Финч.

— Да. Черный фроббин.

— Вы сказали, что Человек в черном угрожал дедушке?

О чем они говорили?

Старик почесал макушку, припоминая.

— Дедушка твой говорил Человеку в черном, чтобы тот убирался прочь, что его ответ тот же и что он уже забыл, как это делается. Как-то так... А Человек в черном все твердил такое слово чудное... как бишь его? — мистер Хэмм задумчиво почесал подбородок. — «Хелленкопф», или «Гелленкопф», или... да, «Гелленкопф». В войну много карт приходилось расшифровывать, и чаще всего они были на вражьем языке. Вот и наловчился запоминать такие, похожие на ругательства и чихание слова.

— И что было потом? — взволнованно проговорил Финч. — Человек в черном сказал, что это такое?

— Нет. Он только твердил, что Гелленкопф не станет ждать. Но мистер Фергин сказал ему, что уже все решил. Чужак ругался, говорил, что еще вернется, а потом прошел по дорожке, вышел из калитки, сел в свой фроббин и укатил. Больше он не появлялся. Неприятный тип. Не из тех, кто просто так, случайно прогуливаясь, может заявиться к тебе на порог. Вот я и подумал сейчас: вдруг это как-то связано с тем, что твой дед пропал.

— А сегодня Человек в черном не приходил?

— Нет. Хотя... кто его знает, я весь день сегодня носа на улицу не высовывал.

— Может, вы помните что-то еще из разговора дедушки с этим чужаком? Хоть что-то?

Старик на миг задумался, а затем покачал головой:

— Нет, прости. Больше ничего не помню.

Финч огорченно покусывал губу: ничего и не подумало проясняться. Наоборот, все только запутывалось. Человек

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

в черном, какой-то Гелленкопф (или это не имя, а название?). Финчу снова вспомнился разговор в трамвае по пути из школы домой.

«У дедушки есть тайны», — угрюмо подумал он. Скорее всего, мистер Хэмм был прав: исчезновение дедушки связано с этим Человеком в черном.

Финч понял, что больше ничего у старого штурмана не узнает, и поднялся на ноги.

— Спасибо, мистер Хэмм. Вы мне очень помогли, — сказал он. Отчасти это была правда.

— Уже уходишь? — с сожалением спросил старик.

— Да, я должен найти дедушку. Я должен...

«...Спасти его», — додумал мальчик.

Мистер Хэмм поднялся и, подойдя к двери, повернул запорный вентиль.

— Надеюсь, все обойдется, и ты найдешь деда.

Он открыл дверь, и Финч, кивнув ему, выбрался под снег.

Поежившись от холода, мальчик побрел по дорожке к дому. Мысли, чувства, эмоции, подозрения — все это перемешалось в его голове и напоминало кашу в миске старого штурмана.

Когда он уже положил руку на витую ручку двери черного хода, мистер Хэмм окликнул его:

— Эй, Финч! Я вспомнил еще кое-что...

Финч взволнованно обернулся.

— Что, мистер Хэмм?

Старик, замерший на фоне овального дверного проема, из которого во двор тек рыжий свет печки, выглядел зловеще.

— Твой дед и Человек в черном что-то говорили о следующей снежной буре.

Финч сушил ноги на теплорешетке уже почти десять минут.

Первые три минуты вызывали у миссис Поуп удивленное одобрение, в течение следующих трех в ней поселилось сомнение. А последние четыре она уже откровенно злилась.

Мальчишка что-то задумал. Или просто решил над ней поиздеваться.

— Что ты задумал? — раздраженно спросила консьержка. — Какую-то шалость? Что ты там топчешься?

— Ничего, мэм!

На самом деле Финч не стал вдруг чистюлей и приверженцем соблюдения порядка. Конечно же, он замышлял шалость. Или, вернее, кое-что похуже. Ему срочно требовалось заглянуть в книгу учета посетителей дома, которую вела консьержка. Толстая тетрадь в зеленой кожаной обложке с тиснением «Дом № 17» всегда лежала на стойке у полукруглого окошка, под брюхом у костлявой Мо.

Финчу нужно было узнать, что это за Человек в черном, который приходил к бабушке. Вот он и топтался у входа, пытаясь придумать, как проскользнуть незамеченным мимо недремлющего ока миссис Поуп и хотя бы на минутку завладеть тетрадью.

Финч понимал, что счастливого стечения обстоятельств, при котором ему позволили бы заглянуть в список посетителей, ждать бессмысленно. А о том, чтобы самому открыть книгу в присутствии консьержки, не могло быть и речи. Единственное, что оставалось, — дожидаться, пока книга окажется без присмотра, но с этим были трудности: миссис Поуп почти никогда никуда не уходила. Да и если она вдруг собралась бы прогуляться, что делать с Мо и мистером Поупом? Само собой, требовалось отвлечь и их тоже...

Эта мысль как раз обустроивалась в голове Финча, когда терпение миссис Поуп наконец лопнуло.

— Раз ничего не задумал, то пошел вон! — взвизгнула консьержка и ткнула когтистым пальцем в сторону лестницы.

Финч угрюмо потопал в указанном направлении. У самой лестницы он обернулся и, поцарапавшись о колючий взгляд консьержки, шагнул на первую ступеньку. Замер. Снова обернулся. Уперся, как в стену, во все тот же взгляд, после чего

решил больше не испытывать судьбу и в самом деле направился к себе на пятый этаж.

«Да, так просто книгу не заполучить, — думал он на ходу, подчас выныривая из темноты пролетов в одинокие лужицы света на этажах. — Нужно придумать план. Как же их отвлечь?.. Это должно быть что-то неожиданное, что-то... громкое. Чтобы они все подскочили! И понеслись проверять, что же это там такое, оставили книгу без внимания и... Пойдите-ка, а это что там такое?»

Последнее уже относилось к странным звукам, которые раздавались со следующего лестничного пролета. «Странными звуками» были подвывания на одной ноте и трагические всхлипы. Кто-то плакал.

Финч на цыпочках поднялся и украдкой выглянул из-за угла.

На ступеньках сидела девочка. Длинная корчащаяся тень выползала из-под нее и вращалась во тьму лестницы, как щупальце. Плечи девочки сотрясались. Два рыжих хвостика топорщились и напоминали трубы, из которых вот-вот повалит дым.

— Арабелла? — позвал Финч.

Девочка подняла заплаканные глаза. Знакомое острое личико было умыто мрачной тенью. Стоило Арабелле увидеть Финча, ее лицо исказилось, но уже от гнева.

— Что тебе нужно?! — воскликнула она. — Убирайся!

Арабелла снова уткнулась лицом в коленки.

«Неужели это все из-за снежка? — подумал Финч. — Мать отругала ее за высыпавшуюся из пакета рыбу?»

Ему стало стыдно. А еще очень неловко.

Арабелла его совсем не стеснялась — и продолжала плакать. Ее тонкие плечи дрожали, а рыжая голова тряслась и напоминала огонек свечи на сквозняке.

«Нужно что-то сделать, — подумал Финч. — Но что? Подойди к ней, не трусь! Что? Если такой храбрый, сам и подходи!»

Финч поймал себя на том, что спорит сам с собой, и решил, что его заразил сумасшествием мистер Хэмм. Дедушка говорил,

что некоторые виды безумия передаются по воздуху. Но тем не менее просто стоять и смотреть, как Арабелла плачет, было нельзя — с каждой новой секундой бездействия Финч чувствовал себя все хуже. Он будто подглядывал в замочную скважину в двери, за которой происходило что-то гадкое и неправильное.

И хоть Финч знал, что приближаться к плачущим девочкам опасно, он подошел.

— Прости за тот снежок... — промямлил он, краснея. — Глупо вышло. Это была просто шутка.

Она никак не отреагировала, будто его и вовсе не было рядом. Снова это ее коронное высокомерие, не иначе!

Финч разозлился: «Вот глупая девчонка! И чего она так разревелась?!»

Глядя на Арабеллу, он понимал, что злится вовсе не на нее, а на себя — на свою беспомощность.

«Что бы сделал дедушка? — спросил себя Финч. — Дал бы ей платок? Но у меня нет платка! Что еще? Напоил бы ее горячим желудевым чаем? Но пока заварится чай, пройдет целая вечность! Еще что-то? Наверное, он сказал бы ей, что плачут только глупые плаксы? Нет, он бы так не сказал, да к тому же тогда буря сразу усилится!»

За неимением лучшего варианта Финч озвучил то, что вертелось у него на языке:

— Я не думал, что ты так разреवेशься из-за простого снежка...

— Отстань от меня! — взвизгнула Арабелла, не поднимая головы. — Убирайся! Ненавижу тебя!

Да уж... Вышло не очень. В утешении плачущих девочек Финч был не силен.

Казалось, ни один из великих ученых просто еще не избрал правильных слов или поступков, чтобы это рыжее существо перестало плакать. А хотя если подумать, то почему он в принципе должен ее утешать?! И вообще, ему стоит сейчас торжествовать! Нужно рассмеяться и пройти мимо! И сказать: «Так тебе и надо!» А что, она заслужила. Она же его злейший

враг! Наглый, высокомерный, дрожащий и такой несчастный... злейший враг...

Финч изо всех сил сопротивлялся мысли, что вовсе не ненавидит Арабеллу Джей, а наоборот. Именно поэтому он всегда при случае поддевает ее, именно поэтому он бросил в нее снежок.

«Что бы я сделал, не будь я мной?..»

Финч подошел к ней, протянул руку и осторожно коснулся ее плеча.

— Я больше не буду, — сказал он. — Не плачь...

Арабелла вскочила на ноги. Ее лицо багровело, как раскаленная печка. Взгляд пылал, слезы блестели на щеках, а курносый нос, казалось, был вздернут еще сильнее, чем обычно.

Финч отшатнулся, но она не стала кричать или бить его.

Арабелла сделала кое-что непредсказуемое — она просто плюнула в него. После чего показала язык, развернулась и убежала.

Хлопнула дверь ее квартиры.

Финч был потрясен. Еще бы! Чтобы этот энциклопедический образец понятия «примерный ребенок» сделал что-то из того, что взрослые называют «неприличным» и «грубым»?! Он ни за что бы не поверил, если бы сам не стал жертвой ее нападения.

Финч стоял и глядел ей вслед, не в силах пошевелиться. Будучи мальчишкой, он смог по достоинству оценить поступок этой паиньки. Бывшей паиньки! В том-то и дело, что она вдруг повела себя как нормальный в его понимании человек, а не как веснушчатый автоматон, тонко настроенный лишь на обучение, соблюдение правил, получение хороших отметок и на то, чтобы быть послушным.

«Если бы она не была такой злокой, — подумал он, — мы могли бы подружиться».

И тут Финч будто очнулся от сна. Ему вспомнились слова мистера Си из семнадцатой квартиры: «Женщинам не нужна дружба, Финч, запомни это. Им подавай только счет! Иначе

почему, стоит тебе что-то сказать, они тут же принимаются вопить в кофейне: “Счет, пожалуйста!”»

Финч не совсем понимал, что именно имел в виду мистер Си, или, как называл его дедушка, Мистер Вечно Разбитое Сердце, но общую суть он уловил. Дружбы со злокой Арабеллой Джей из девятой квартиры не выйдет.

— Но почему она все-таки плакала? — прошептал он.

Финч вдруг подумал, что дело здесь отнюдь не в том дурацком снежке.

Финч лежал в своей кровати и глядел в окно на идущий снег.

Часы на письменном столе показывали десять часов и три минуты вечера. В это время Финч всегда переодевался в пижаму, забирался в постель и читал книжку, но сейчас ни о какой книжке, понятное дело, речи идти не могло.

Финч уже не просто переживал за дедушку, а по-настоящему боялся.

Человек в черном, о котором рассказал мистер Хэмм, предстал в его воображении мрачным размытым пятном. Этот тип приходил, чтобы заставить дедушку что-то сделать. Но дедушка отказывался, и он... он забрал его, похитил!

Финч отчетливо представил, как Человек в черном бьет дедушку по голове тростью и тот падает без сознания. Тогда Человек в черном связывает дедушку, засовывает его в мешок, после чего заталкивает в багажный кофр черного фроббина и увозит, увозит все дальше от дома...

В груди у Финча закололо, на глаза навернулись слезы.

«Может, все-таки сообщить констеблю? Может, он найдет дедушку?»

Финч тут же одернул себя. Никто из знавших мистера Доджа ни за что не доверил бы ему ни свою, ни чужую — вообще ничью жизнь. Жизнь...

«А может, Человек в черном дедушку уже...» — пришла в голову мальчику ужасная мысль, но тут неожиданно появилась

другая — довольно разумная: «Если Человеку в черном что-то нужно от дедушки, значит, дедушка должен быть жив. Мертвецы не выполняют никаких заданий...»

Финч не понимал, что Человеку в черном от дедушки могло понадобиться. Корнелиус Фергин ведь был простым портным, шил штаны и жилетки, пришивал пуговицы. Ему что, новый костюм понадобился?

А может быть, все не так просто и...

«И дедушка твой — врун... — Финчу вспомнились слова мистера Кэттли. — Все ото всех что-то скрывают...»

— Нет! — воскликнул Финч. — Я найду дедушку и докажу, что он мне не врал...

Конечно, в нем говорил дух противоречия. Он и сам понимал, что дедушка что-то скрывал. Скрывал что-то важное — то, что, вероятно, и стало причиной его исчезновения. И все же смириться с этой мыслью Финч не хотел.

Следующим шагом в его поисках было добыть книгу учета посетителей дома. Оставалось придумать надежный способ, как отвлечь консьержку.

— Что бы сделал мистер Кэттли? — спросил себя Финч.

Вот уж жулик из трамвая, будь он на месте Финча, уже давно заполучил бы книгу. Так что бы он сделал? Конечно же, солгал бы. Он придумал бы какой-нибудь омерзительный, гадкий обман, который заставил бы миссис Поуп подскочить на стуле так, словно тот под ней вдруг загорелся. Мистер Кэттли сыграл бы на ее страхах. А чего миссис Поуп боится на самом деле?

В памяти Финча внезапно всплыла старая фотокарточка, которую показал ему мистер Хэмм. И обман неожиданно выстроился в его воображении за одно мгновение. О, это была действительно гадкая ложь — мистер Кэттли смог бы оценить ее по достоинству.

«Я скажу ей, что увидел через окно, как к дому подъехал трофф и из него вышел высокий черноволосый человек в мундире и плаще. Скажу, что, кажется, это капитан Борган! Что он вернулся!»

Подобное известие уж точно заставит миссис Поуп выскочить на улицу. Перепуганная до смерти — а ей есть чего бояться, — она побежит встречать капитана, оставив книгу без присмотра. Ну а от мистера Поупа избавиться можно уже проверенным способом.

Конечно, план сплошь зиял дырами. Мог подняться шум, кто-то мог не вовремя спуститься на первый этаж или появиться с улицы... К тому же у стойки все еще оставалась бы Мо. Но кошки — вот удача! — не умеют разговаривать и докладывать своим хозяйкам о различных маленьких пронырах. Максимум, на что Мо способна, — это зашипеть и попытаться его поцарапать или укусить. Но уж с кошкой он точно справится...

Это был неидеальный план... Да что там! На самом деле это был просто ужасный план. Страшно подумать, как ему влетит, когда выяснится, что никакой капитан Борган и не думал возвращаться, — подобного потрясения и издевательства над своими нервами миссис Поуп ему ни за что не простит. Финч это понимал, но ждать больше не мог.

Дедушке точно не понравилось бы то, что он задумал. Как и все взрослые, он считал, что в десять часов вечера дети должны отправляться спать, а не заниматься различными рискованными и сомнительными делами. И уж точно они не должны врать, но...

— Но дедушки здесь нет, — напомнил себе Финч. — В том-то и дело.

Он выбрался из кровати и побежал в прихожую. Прямо поверх пижамы натянул пальто. Всунув ноги в башмаки, Финч выскользнул из квартиры и бросился по лестнице вверх, и теперь путь его лежал не куда-нибудь, а прямоком на седьмой этаж. Он затеял очень опасную игру, и запрет туда подниматься его сейчас не особо волновал. А польза меж тем была очевидной — он мог выиграть время в целый этаж.

Оказавшись на месте, Финч не раздумывая подбежал к лифту. Он уже схватился за рычажок вызова лифтера, приготовился...

— Я надеюсь, ты все продумал, — раздался холодный голос за спиной.

Мальчик вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояла Она. Обитательница квартиры № 21. Длинное узкое пальто, из-под которого проглядывали подол платья и туфельки на каблуке, бархатные перчатки и шляпка с широкими полями и вуалью. Вуаль не могла скрыть точеное лицо, выделяющиеся, словно кровь на снегу, алые губы и большие черные глаза.

Эта женщина была будто иностранкой. Или вообще не человеком. Она носила сложную, непрогнозируемую фамилию, поэтому все называли ее просто мадам Клара.

Мадам Клара опиралась на ручку своей неизменной спутницы — детской коляски. У этой черной как смоль коляски было три колеса: два больших по бокам и одно поменьше сзади. Складной гармошечный капор походил на обглоданный чьими-то зубами зонт. Из-под него не раздавалось ни звука.

Младенцы мадам Клары никогда не кричали и не плакали. И только по едва различимой порой из клубка пеленок в глубине коляски возне можно было понять, что там вообще кто-то есть.

«Мои младенцы прекрасно воспитаны — они не вопят, мешая окружающим», — как-то сказала мадам Клара. Финч подозревал, что ее младенцы воспитаны намного лучше, чем он сам. Как минимум у них нет привычки стоять с разинутым ртом и выпученными глазами, как заклинивший автоматон.

Мадам Клара решила прервать затянувшееся молчание.

— Слова́, — сказала она. — Это то, благодаря чему ты сейчас можешь попытаться выкрутиться.

Финч, красный с головы до ног, хотел ответить что-то умное и хоть чуточку вразумительное, но смог выжать из себя только:

— Мадам?

— Неплохое начало, — с иронией одобрила мадам. — Итак. Я надеюсь, ты все продумал.

— Не все, — зачем-то признался Финч. Он не понимал, как можно врать этой женщине.

— То есть ты не можешь объяснить, что делаешь на седьмом этаже, — подытожила мадам Клара. — Ты ведь не живешь здесь, верно? — Она задумчиво поглядела на двери соседних квартир. — Я раньше не замечала, чтобы у мистера Драммина или у мадам Флёрхаунд были дети. Тебя завели недавно?

— Мне почти двенадцать лет!

— «Почти» не является «уже»... — сказала она. — Когда-нибудь ты поймешь всю важность этой разницы.

Финч не ответил, продолжая смотреть на нее во все глаза и испытывая при этом одновременно недюжинный страх и ни с чем не сравнимое восхищение. Он понимал, что его ждет наказание за то, что ошивался на запретном этаже, но был согласен понести его. Даже если она решит убить его, то пусть! Ей можно.

— Ты так и будешь меня рассматривать? — спросила мадам Клара, отчего Финч покраснел еще сильнее и опустил взгляд. — Предлагаю тебе наконец уже сделать то, что ты собирался.

Финч удивился. Он поглядел на свою руку, все еще сжимающую рычажок вызова лифтера.

— Мне потянуть? — не веря, спросил он.

Мадам Клара не ответила — на ее губах появилась едва заметная улыбка.

Финч неуверенно потянул рычажок и бросил тревожный взгляд на лестницу. Внизу, вероятно, мистер Поуп проснулся и начал кряхтеть. А это значит, что скоро он заберется в лифт и придет сюда.

— Ты собрался куда-то зачем-то бежать? — спросила мадам Клара, пристально глядя на Финча. — Не стоит. Жди, пока мистер Поуп не приведет лифт.

— Ждать, мадам?

— Ты пойдешь со мной, — просто сказала она.

— Хорошо, мадам, — ответил Финч.

Почему-то у него в голове даже не возникло мыслей вроде «зачем?» и «куда?».

Они молчали, мадам все глядела на Финча, Финч же шаривал башмаком несуществующий люк под ногами, куда можно было бы провалиться от невероятного смущения.

Вскоре снизу раздался нарастающий гул. Приближался лифт.

Финч отошел, уступая мадам место. Та подкатила коляску и, отметив его поступок, одобрительно кивнула.

Кабинка скрежетнула, останавливаясь. В окошке дверцы показалось взмокшее лицо лифтера. Увидев мадам Клару, он мгновенно встрепенулся, подтянулся в попытке куда-то деть свой расплывшийся над штанами живот и зарделся еще пуше Финча.

— Мое почтение, мадам. — Мистер Поуп сложил створки дверцы, отодвинул решетку и пропустил мадам Клару.

Финч нерешительно двинулся следом, но лифтер преградил ему путь.

— Дети ходят пешком! — гаркнул он и ткнул толстым коротким пальцем в сторону лестницы.

— Этот юный мистер меня сопровождает, мистер Поуп, — сказала мадам Клара.

Мистер Поуп поморщился, но спорить не посмел.

— Как скажете, мадам, — промямлил он с таким видом, будто Финч ему не просто испортил замечательное путешествие в компании мадам Клары длиной в семь этажей, а испортил всю жизнь.

Дождавшись, когда Финч зайдет в кабинку, мистер Поуп закрыл дверцу и задвинул решетку. После чего повернулся к стенке, на которой была установлена бронзовая панель с отметками этажей, и перевел рычажок в ее центре на отметку I.

В тот же миг где-то внизу, в подвале, заработала паровая машина, тросы стали наматываться на барабаны, и кабинка, легонько качнувшись, тронулась с места.

Финч ехал в лифте дома № 17 впервые. Он часто представлял, как разезжает на нем туда-сюда по этажам, и в его воображении это было настоящим приключением. На деле же все оказалось куда менее захватывающим.

Кабинка была очень старой: лак на деревянных панелях облупился, на обитых зеленой тканью стенках темнели уродливые пятна. Даже казавшиеся снаружи красивыми и яркими бронзовые элементы отделки в действительности были тусклыми и затертыми. Над головой чадила лампа, и, помимо прочего, за спиной стоял мистер Поуп, от которого разлило немытостью, табаком и сиропом от кашля.

— Первый этаж, — уныло сообщил мистер Поуп, когда кабинка замедлила ход, дрогнула и остановилась.

Лифтер открыл дверцу и решетку, и мадам Клара выкатила коляску. Финч вышел следом.

Их встретила суетящаяся и едва ли не подпрыгивающая на месте консьержка, — миссис Поуп, надеясь на чаевые, часто выбиралась из своей комнатухи, когда лифт вызывали на седьмой этаж.

— О, мадам Клара! Какая приятная неожиданность! Собираетесь на прогулку? Как это мило! И...

И тут ее взгляд наткнулся на Финча. Улыбка мгновенно сползла с фиолетовых губ миссис Поуп.

— Он сопровождает мадам, — уныло пожаловался супруге мистер Поуп. — Мадам позволила ему ехать в лифте.

— Ко... конечно! — Консьержка проглотила застрявший в горле ком размером с дом № 17. — Мадам состоит в родстве с самим господином Борганом и вольна выбирать любых сопровождающих. Даже... даже детей.

Мадам Клара, не обращая внимания на показное лизоблюдство и скрытый страх миссис Поуп, покатила коляску к выходу. Финч поплелся за ней.

Консьержка не отставала, прыгая вокруг, как блоха.

— Мадам Клара! — щебетала она. — Мадам Клара! Я хотела узнать, были ли какие-то вести, может быть, письма? Ну, я имею в виду, от господина Боргана?

— Никаких писем, миссис Поуп, — не поворачивая головы, ответила мадам Клара.

— Какая жалость! — наигранно воскликнула консьержка.

Конечно же, это была откровенная ложь. Для нее отсутствие вестей от хозяина дома означало лишь отсутствие инструкций, требований или каких-либо *пожеланий* касательно ее обязанностей. Она очень боялась, что кто-то из неблагодарных жильцов накропал господину Боргану пару-тройку жалоб на нее, а еще она втайне надеялась, что он никогда не вернется из своего путешествия.

— Хорошей вам прогулки, мадам! — воскликнула миссис Поуп вслед мадам Кларе.

Когда входная дверь закрылась за обитательницей двадцать первой квартиры и сопровождавшим ее мальчишкой, консьержка успокоилась и танцующей походкой направилась в свою комнатку с полукруглым окошком.

Мадам Клара и Финч тем временем прошли по дорожке и свернули налево, направляясь вглубь Горри.

Большинство стоявших вдоль улицы фонарей на столбах не горели. Снег к ночи усилился.

Финч вдруг подумал, что ему сейчас должно быть холодно, но он почему-то не ощущал знакомых признаков замерзания. Дедушка говорил, что такое бывает, когда лихорадит: либо тебе холодно, когда совсем не холодно, либо жарко в то время, как все кутаются в шарфы и дуют на озябшие руки. Он потрогал лоб — ну конечно! У него был жар. Может быть, из-за пережитых за день волнений, может, он все-таки заболел, а может, из-за идущей рядом великолепной и в то же время жуткой мадам Клары.

— Куда мы идем? — спросил Финч. Голос его дрогнул.

— Увидишь, — ответила мадам Клара. — И да будет тебе известно, воспитанные дети не спрашивают «куда?», они просто следуют за взрослыми.

— А почему вы взяли меня с собой?

Она повернула к нему голову:

— Мне показалось, что ты готов совершить какую-то глупость и нужно помешать тебе ее совершить. К тому же мне пригодится твоя помощь.

— Помощь? — поразился мальчик. — Моя?

Она кивнула.

— Но в чем? — спросил Финч.

Мадам Клара покачала головой, и он понял, что это тоже относится к ее «увидишь».

Мог ли в тот момент Финч знать, что впереди его ждет самая необычная и невероятная ночь в его жизни?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

